

Шел семнадцатый год эры Небесного Предначертания. В двадцать третий день первого весеннего месяца за окнами уныло шелестел дождь. В восточном крыле усадьбы, прямо под окном, сидел невероятно хорошенький, но до крайности взвинченный юноша.

Листая медицинский трактат, он бубнил под нос свойства лечебных трав. Когда зубрёжка окончательно допекала его, он в сердцах ерошил волосы на затылке. Пролистав три-четыре страницы и раз пять почесав макушку, он окончательно растрепал свой аккуратный узел.

Пока он увлеченно зубрил, со спины раздался тихий голос:

— Молодой господин.

— Ась?

Семнадцатилетний Гу Сяодун резко обернулся. Волосы его съехали набок, пряди растрепались, но глаза сияли живым, чистым блеском. Кожа на лице, шее и руках, не скрытая одеждой, казалась почти полупрозрачной, источая мягкое фарфоровое свечение. Растрёпанный, он казался по-своему очаровательным; собранный — безупречным. От него так и веяло безудержным юношеским задором, даже оборванные волоски, запутавшиеся между пальцев, казались живыми и блестящими.

— Зачем звал? Принёс чего-нибудь вкусненького? — заведя в руках Фэнъэня лакированный коробок для еды, Сяодун так и просиял.

— Из Бамбукового дворика прислали, — Фэнъэнь поставил коробок на стол.

Стоило ему приоткрыть крышку, как Сяодун, забросив книги, вихрем подлетел поближе.

Фэнъэнь только собирался назвать сладости, как Сяодун весело прыснул:

— Ого, какие пухляши! Сразу видно — объедение.

Он ловко подцепил пирожное серебряной шпажкой и отправил в рот. Лишь прожевав половину, он вдруг замер и с набитым сытным лакомством ртом удивлённо уставился на слугу:

— Погоди... Из Бамбукового дворика? Господин Су приехал?

Фэнъэнь лишь вздохнул с мягким укором.

Сколько лет прошло, а Гу Сяодун так и не научился следить за манерами. Вечно он вытворял подобные глупости и выглядел по-детски нелепо.

Неудивительно, что за спиной над ним посмеивались, называя неотесанным и недалёким. И даже признавая его редкую красоту, неизменно цедили сквозь зубы: «Вульгарная роскошь».

За последние годы под строгим присмотром и благодаря постоянным тренировкам его тело укрепилось, а черты отточились. С каждым годом его красота становилась всё более ослепительной, почти вызывающей.

Единственной бедой оставался его взбалмошный нрав. Порой он вёл себя глупо и грубо: то на крышу полезет, то начнёт скакать по двору, сверкая белозубой улыбкой и кокетливыми ямочками на щеках. Никакого благородства в помине... Впрочем, благородным господином по рождению он и не был, но не пытаться держать хоть какую-то марку казалось явным упущением.

Фэнъэнь за эти годы не раз покрывался холодным потом, опасаясь, что молодому господину Су из семьи канцлера надоеет эта непосредственность, он охладет к Сяодуну и выбросит его на растерзание кланам Гэ или Гуань. Там бы беднягу точно заездили до полусмерти.

К счастью, терпения у молодого господина Су было не занимать.

Да и внешность Сяодуна творила чудеса.

Фэнъэнь тихонько вздохнул, качая головой:

— Да, молодой господин Су прибыл в полдень. Он погостит здесь три дня, после чего вернётся в столицу.

— А-а! — Сяодун закивал и с прежней жадностью принялся за сладости.

В мгновение ока изящные пирожные исчезли в его желудке. Облизав пальцы, он как ни в чём не бывало вернулся к трактатам.

Фэнъэнь растерянно улыбнулся, собрал посуду и осторожно заметил:

— Молодой господин, вы ведь давно не виделись с господином Су. Не хотите заглянуть в Бамбуковый дворик?

— Зачем? — Сяодун улыбнулся, переворачивая страницу. — Господин Су наверняка очень занят. Только-только прошли Новый год и Праздник фонарей, скоро его день рождения... У клана Су куча дел и важных гостей. Если он приехал к Гу, то наверняка ради каких-то дел. У меня и у самого полно забот, не буду ему мешать.

Фэнъэнь не мог понять, действительно ли Сяодун так заботится о душевном покое Су Минья

или всё ещё дуется на него после новогодней размолвки.

При одной мысли об этом слуге хотелось застонать.

Все эти годы Фэнъэнь наблюдал со стороны и прекрасно понимал: то, что Гу Сяодун до сих пор живёт припеваючи и вольничает, — прямая заслуга негласного покровительства Су Минья. Говоря начистоту, не будь благосклонности наследника канцлерского дома, Сяодуна бы и близко не подпустили к семейным банкетам Гу — скорее, гноили бы в сырых карцерах.

Среди сверстников только Су Минья обладал достаточным влиянием и щедростью, чтобы так баловать его. Должно быть, именно из-за этой слепой любви Сяодун и позволял себе садиться благодетелю на шею.

В конце прошлого года до Сяодуна дошли мерзкие слухи. Разозлившись, он перед самыми каникулами обошёл все жилые комнаты Академии Широкого Благодеяния, стучась в каждую дверь и требуя объяснений от соучеников. Узнав об этом, Су Минья велел слугам привести буяна в Бамбуковый дворик, чтобы тот немного остыл. Сяодун не стал жаловаться покровителю, лишь буркнул, что его задело одно прозвище — кто-то втихомолку окрестил его «Су Шаньцином».

Сяодун тогда весь взъерошился, а Су Минья лишь мягко погладил его по голове и спокойно ответил, что не видит в этом имени ничего дурного. После этих слов Сяодун раздулся от злости пуще прежнего и, словно рассерженный иглобрюх, умчался прочь.

С тех пор прошёл почти месяц, а они так и не виделись.

По наблюдениям Фэнъэня, для хозяина Бамбукового дворика было вполне естественно на время отдалиться от капризного юнца. Но вот то, что сам Сяодун — этот жуткий прилипала, не выносивший одиночества, — за целый месяц ни разу не упомянул имя Су Минья, казалось подозрительным. Прежде он и недели не мог вытерпеть. Он любил тянуться к людям, а к Су Минья — особенно, и это видели все.

Теперь же он заперся у себя и уже месяц прилежно учился и тренировался, ни к кому не навязываясь. Это было совсем на него не похоже.

Так и не дождавшись от Сяодуна никаких поручений для Бамбукового дворика, Фэнъэнь вздохнул, взял пустой коробок и вышел. У дверей он с удивлением обнаружил слугу клана Су.

Тот, очевидно, ждал с зонтом, готовый проводить Сяодуна к господину.

Увидев лишь Фэнъэня, слуга нахмурился, но делать было нечего — он молча забрал пустой коробок и ушёл.

Когда Фэнъэнь вернулся в комнату, Фэнхуань испуганно прошептал:

— Брат, неужели молодой господин Су рассердится на нашего господина?

— Рассердится так рассердится, что тут поделаешь, — уныло отозвался Фэнъэнь.

Фэнхуань заглянул в комнату, где Сяодун с выражением декламировал медицинские стихи:

— Может, мне стоит поговорить с ним?

Фэнъэнь ласково потрепал брата по волосам:

— Наш молодой господин упрям как осёл. Что ты ему скажешь? Лучше приготовь на ужин что-нибудь невкусное, может, тогда он поумнеет.

Фэнхуань так и сделал, но за ужином Сяодун лишь удивлённо покосился на тарелку, спросил, не заболел ли повар, а получив отрицательный ответ, просто молча умял всю еду до последней крошки.

Вне стен Бамбукового дворика его рацион в поместье Гу был строго ограничен. Если бы он дорожил сытой и роскошной жизнью, ему следовало бы бежать к Су Минья по первому зову — тот ни в чём ему не отказал. Но Сяодун оказался на редкость неприхотливым.

Покончив с ужином, он отправился прогуляться. Слуги с надеждой проводили его взглядом, однако уже через четверть часа Сяодун вернулся, сладко потягиваясь и зевая во весь рот. Глаза его влажно поблёскивали в сумерках, словно весенний дождь за окном.

Фэнхуань только успел подумать, как же невероятно красив их господин, как из спальни донеслось яростное:

— А-а-а-да-а! Соберись, тряпка! Ещё две страницы!

В одно мгновение прекрасный лис снова превратился в дворового щенка.

Фэнъэнь и Фэнхуань переглянулись, чувствуя полное бессилие.

Казалось, эта унылая весенняя ночь так и закончится ничем. Но когда тьма сгустилась, а дождь утих, в дверь тихонько постучали. На пороге стоял промокший под дождём наследник клана Су.

Это был первый раз, когда Су Минья лично явился в его скромную обитель.

Слуги застыли в оцепенении. Неужели этот гордый господин приехал в поместье Гу исключительно ради Сяодуна? Бросив все дела в разгар праздников?

Опомнившись, они бросились в спальню, но обнаружили, что Сяодун уже крепко спит, уткнувшись носом в раскрытый трактат.

Фэнъэнь и Фэнхуань замялись, собираясь растолкать спящего соню, но со спины донеслось тихое:

— Тсс.

Су Минья переступил порог. Ночной воздух дышал холодом, полы его расшитого плаща со свистом разрезали полумрак. Заметив спящего Сяодуна, гость замедлил шаг.

Слуги тихо покинули комнату, то и дело оглядываясь. Су Минья сбросил дорожный плащ, передал его слуге и прикрыл за собой дверь.

В полумраке спальни изящный, похожий на бессмертного небожителя господин Су замер у восточного окна, держа в тонких пальцах крошечный кувшинчик с вином.

Он казался безмолвной ночной грозой, затихшей у порога.

Сяодун спал беззаботно и крепко. Утомлённый дневной зубрёжкой разум погрузился в глубокое забытие, но посреди ночи ему привиделся странный, нелепый сон.

Ему было холодно, а в голове шумело, точно от вина. Он чудил во сне, воображая, что превратился в пушистого белого кролика, которого поймал серебристый волк и принялся безжалостно грызть.

Испугавшись, что его сожрут живьём, кролик Сяодун отчаянно забил лапами и зашевелил ушами, пытаясь вырваться, но хищник намертво вцепился ему в короткий хвост.

«Откуда у этого волка такие цепкие когти?!» — в ужасе подумал Сяодун.

Острые когти прижали его к земле за загривок, волк прикусил шею. Кролик Сяодун совсем растерялся и попытался воззвать к совести зверя, уговаривая того перейти на травку во имя спасения души и накопления добродетели.

Но волк лишь хмыкнул и ответил, что плевать хотел на добродетель — ему подавай крольчатину.

Сяодун испугался ещё сильнее: волк заговорил!

Перевернув добычу на спину, хищник усмехнулся:

«Ты ведь тоже разговариваешь, ушастый. Мы оба оборотни, так к чему притворяться глупым зверьком?»

Сяодун попытался возразить: мол, коли мы оборотни, то почти люди, а людям негоже жрать сырое мясо! Но волк не желал слушать оправданий. Он прижал кролика к земле и принялся методично кусать его за шею и бока, то лаская, то причиняя тупую боль.

Наутро Сяодун проснулся с тяжёлой головой. Уставившись в потолок, он долго не мог прийти в себя после этого нелепого бреда.

Самым странным было то, что посреди сна волк вдруг принялся гладить его по животу и вкрадчиво требовать принести ему выводок крольчат, обещая за это отпустить на волю.

Но ведь он же самец!

Сгорая от недоумения, Сяодун сел на постели. Заподозрив неладное, он торопливо заглянул к себе в штаны, но всё было в порядке. Значит, просто дурацкий лихорадочный сон. Шмыгнув носом, он понял, что его знобит — видать, подхватил простуду.

Натянув халат, он спросил вошедшего Фэнъэня:

— Я заболел? Похоже, вчера заснул за столом у открытого окна и меня продуло дождём?

Фэнъэнь решил рассказать лишь половину правды:

— Да... Вы были слишком легко одеты, вот ночной холод и сырость вас и прихватили. Простите, мне следовало разбудить вас раньше.

«И тогда рассерженный молодой господин Су не поил бы тебя насильно вином и не прижимал к подоконнику...» — мысленно добавил слуга.

Сяодун отмахнулся, шмыгая носом:

— Пустяки. Я слишком долго сидел взаперти. Сегодня разомнусь на тренировке, пропотею хорошенько, и болезнь сама пройдёт.

Не придав значения странному сну и лёгкому недомоганию, он прямо в комнате принялся увлеченно крутить суставами, разминаясь по системе «Игры Пяти Зверей». Шея и спина почему-то зудели, словно искусанные мошкаррой, но раздеваться и разглядывать себя в зеркало ему было лень. Велев Фэнхуаню окурить комнату полынью от насекомых, Сяодун в отличном настроении зашагал к выходу.

Слуги, связанные строгим приказом Су Минья помалкивать о ночном визите, лишь молча молились, чтобы господин проявил хоть каплю догадливости и заглянул в Бамбуковый дворик, дабы умиловить оскорблённого покровителя, пока тот не придумал новое наказание.

Ничего не подозревающий Сяодун вместе со слугой поспешил на тренировочную площадку. Из-за непрекращающегося весеннего дождя покататься на лошадях не получалось, но три года назад в Академии Широкого Благодеяния отстроили просторный крытый манеж. Сяодун надеялся выгнать простуду хорошей тренировкой.

В этом году занятия начинались только во втором месяце. Некоторые ученики, сдавшие осенние экзамены, покинули Академию Широкого Благодеяния, но на их место прибыли новые. Мужское отделение по-прежнему насчитывало двадцать пять человек, а вот женское расширилось почти вдвое — теперь там учились тридцать четыре благородные девицы.

Сяодун, хоть и жил здесь дольше всех, всегда узнавал новости последним. Единственное, что он знал наверняка, — в этом году в Академию Широкого Благодеяния поступит его единокровный младший брат, двенадцатилетний Гу Шоуи. Столько же лет было самому Сяодуну, когда он впервые переступил этот порог.

Этой новостью с ним поделился Гу Цзиньюй.

«Свояк свояка видит издалека, а братские узы — лучший источник сплетен», — весело подумал Сяодун, шмыгая носом. Он вошёл под своды манежа. Занятия ещё не начались, поэтому просторный зал был пуст.

Первым делом он направился к стойке с луками. Сяодун никогда особо не пёкся о физической силе, пока перед Новым годом не заночевал у Гу Цзиньюя. Увидев брата в одной нательной рубашке, он обомлел: под тонкой тканью перекачивались тугие жгуты мускулов. Такой легко уложит троих вроде него одной левой!

Это же просто несправедливо!

Все вокруг росли, крепчали, обзаводились волевыми подбородками и широкими плечами, источая силу и уверенность, и только он, Гу Сяодун, рос как-то не так!

Натягивая тетиву, он уязвлённо размышлял о своей горькой участи. Ему уже семнадцать, а ростом он едва перегнал вторую сестру, Гу Жухуэй, да и та считалась весьма хрупкой девушкой.

В роду Гу все были высокими и статными, и только он уродился недоразумением. Пять лет назад он был заморышем, пять лет спустя остался тонким как тростинка. Управляющий Чжу уверял, что вытяжение костей поможет ему подрасти, но всё впустую. Гу Цзиньюй мог поднять его одной рукой, а сам Сяодун обеими руками не мог побороть его левую. Просто курам на смех.

Позавидовав могучему сложению названного брата, Сяодун твёрдо решил работать над собой. Пусть природа обделила его статью, но он хотя бы наберётся ума.

Что же до Су Минья... До его дня рождения оставалось шесть дней. Нужно перетерпеть и не попадаться ему на глаза.

Совсем скоро.

При мысли о своём болезненном, но утончённом покровителе Сяодун невольно улыбнулся, на щеках проступили весёлые ямочки. Кое-как вернув лицу серьёзное выражение, он принялся за луки потяжелее. К четвёртому луку руки у него заныли от усталости, и он опустил оружие, разминая плечи широкими взмахами.

В этот момент в манеж вошли трое. Знакомый надменный голос тут же процедил с издевкой:

— И что это за ветряная мельница тут крутится?

Поскольку, кроме Сяодуна, в зале никого не было, шпилька явно предназначалась ему. За долгие годы он привык к подобным подколкам и даже не подумал обижаться, продолжая весело махать руками.

Когда вошедшие приблизились, Сяодун утёр пот со лба.

«Какого ещё зануду принесло?» — подумал он и обернулся. Перед ним стояли трое юношей в академических халатах.

Возглавлял компанию Гуань Юньцзи. Сяодун ничуть не удивился — язвить в этом доме умел

только он. Двое других позади него были незнакомы.

— Доброе утро, молодой господин Гуань. Тоже пришли потренироваться?

Пять лет назад Гуань Юньцзи был выше его на полголовы, а теперь и вовсе казался великаном. Сяодун мысленно взвыл от досады, глядя на его макушку:

«Ну почему все вокруг — даже господин Су — выше и шире меня? Несправедливо!»

Гуань Юньцзи и его спутники замялись. Первым обрёл дар речи старший:

—... И не лень тебе спозаранку тут кривляться?

Сяодун не видел его около месяца. Стилль «высокомерного гуся» никуда не делся, так что он лишь беззлобно усмехнулся и повернулся к новичкам:

— Вы поступили в этом году?

Юноша слева оказался на редкость миловидным и изящным, с живым взглядом. Ростом он уступал даже Сяодуну. Тот, что стоял справа, напротив, держался нагло и вызывающе. Чертами лица он смутно походил на Гуань Юньцзи, но был лишён его благородной стати — обычная чванливость без капли достоинства, с налётом какой-то липкой пошлости в манерах.

— Да... мы только поступили, — робко подал голос левый паренёк. Голос у него оказался под стать внешности — мягкий и чистый. — Приветствую старшего брата! Меня зовут Су Сяююань, мне пятнадцать. Простите мою неловкость, надеюсь на вашу снисходительность в учёбе!

— О, ты из семьи Су? — оживился Сяодун, его глаза радостно блеснули. — А я Гу Шаньцин. Я старше тебя на два года.

Су Сяююань растерялся ещё больше, смущённо косясь на него:

— Рад знакомству, старший брат Гу. Наслышан о вас.

Гуань Юньцзи недовольно вмешался:

— Ты что, ничего о нём не знаешь?

Сяодун удивлённо приподнял брови:

— О ком?

У Гуань Юньцзи перехватило дыхание. Взгляд Сяодуна — томный после тренировки, с каплями пота, медленно стекающими по нежным вискам, — заставил его сердце пропустить удар. В этой небрежной растрёпанности сквозило какое-то непреднамеренное кокетство.

С трудом справившись с замешательством, Юньцзи сердито отвернулся:

— Су Сяюань — дальний родственник Су Минья, приходится ему племянником. Неужели твой драгоценный покровитель тебе об этом не рассказывал?

Он едва сдержался, чтобы не выплюнуть: «Вы ведь так близки», но вовремя прикусил язык. Сама мысль об этом вызвала у него глухую ярость.

Когда-то Сяодуна травил вся Академия Широкого Благодеяния. Юньцзи был уверен, что этот проныра прибежит просить у него помощи, раз уж вечно крутился поблизости. Но Сяодун вместо этого ушёл под крыло чахлого высокомерного Су Минья.

Самым нелепым было то, что все считали эту привязанность временной забавой пресыщенного барчука. Все ждали, когда Су Минья наиграется и выбросит игрушку обратно в грязь. Но прошло четыре года, а тот всё так же баловал своего фаворита.

Впрочем, глядя на Сяодуна, Юньцзи понимал почему. Мальчишка, и прежде не обделённый красотой, теперь превратился в настоящего красавца. Изящный, тонкокостный, с безупречными пропорциями и гибким станом. Но главным его очарованием оставалась эта дикая, неотесанная жизнерадостность, которой так не хватало чопорным отпрыскам великих кланов.

Интерес к нему в академии рос с каждым днём. Многие молодые господа, не чуждые мужской любви, не сводили с него глаз. В городе Чанло хватало писаных красавцев и изнеженных наложников, но найти сочетание такой внешности и столь лёгкого, весёлого нрава было невозможно.

И это сокровище безраздельно принадлежало Су Минья.

Гуань Юньцзи это просто бесило.

— Племянник? — Сяодун, чувствуя раздражение «гуся», незаметно отступил на полшага к Су Сяюаню. — Значит, ты должен звать его дядей?

Юноша неловко почесал затылок:

— Мы не так близки. В Академии Широкого Благодеяния лучше соблюдать правила и звать друг друга соучениками.

— Понятно, — Сяодун разочарованно вздохнул. Как было бы весело, если бы этот юнец звал молодого и прекрасного Су Минья «дядюшкой». При одной мысли об этом он тихо прыснул в кулак.

В этот момент Гуань Юньцзи не выдержал и отвесил тяжёлый подзатыльник наглому парню справа, стирая с его лица похотливую ухмылку. Он прекрасно знал, о чём мечтает этот выродок своего распутного папаша.

— Это мой единокровный брат, Гуань Юньсян, ему тоже пятнадцать, — холодно представил его Юньцзи. — Будь почтительнее со старшими. Ты пришёл сюда учиться праведному делу, так не позорь мать, которая расшиблась в лепёшку, чтобы пристроить тебя в Частную школу Гуанцзэ.

Младший, явно побаиваясь грозного брата, поспешно поклонился Сяодуну:

— Младший брат Юньсян приветствует старшего брата Гу.

Сяодун вежливо ответил на приветствие и, решив не мешать семейным разборкам, направился к другому тренировочному снаряду.

Гуань Юньцзи мрачно проводил его взглядом. Отец велел ему присматривать за младшим братом ради чести семьи. Су Сяюаня они встретили случайно. Юньцзи прекрасно знал, зачем клан Су подослал этого мальчишку в Академию Широкого Благодеяния — чтобы отвлечь внимание Су Минья от фаворита, — и от этой подлости его так и подмывало высказаться.

Но ещё больше его бесил его похотливый братец, который уже вовсю строил глазки новому соученику и пытался втянуть его в свои грязные игры.

А теперь ещё и этот вечный раздражитель в лице Гу Сяодуна...

— Оказывается, это и есть молодой господин Гу Шаньцин... — тихо прошептал Су Сяюань, глядя Сяодуну вслед. — Он невероятно красив. Не думал, что на свете бывают такие люди.

— Красив, спору нет. Так и светится, — поддакнул Гуань Юньсян, плотоядно поглядывая на Су Сяюаня. — Но и ты не хуже. Вот исполнится тебе семнадцать, небось затмишь его.

Су Сяюань замахал руками, краснея до ушей:

— Что ты, я же обычный деревенщина...

Гуань Юньцзи мысленно скривился. Сяодун, когда только приехал в поместье Гу, тоже был замухрышкой, чёрным и тощим как щепка. Но стоило мастерам Гу взяться за него, как из гадкого утёнка вырос этот лебедь, со свистом окрутивший наследника Су.

Впрочем, теперь в игру вступили новые силы. Пусть этот проныра покрутится. Юньцзи собирался занять удобное место в первом ряду и наблюдать, как Сяодун летит с небес на землю.

Он снова покосился на Сяодуна. Тот отошёл чуть дальше, играя с деревянным тренировочным мечом. Движением руки он откинул упавшую на лицо прядь волос. Ногти у него были аккуратными и розовыми, пальцы — тонкими и длинными. Вся его фигура казалась верхом совершенства.

В его движениях сквозила лёгкая, неуловимая грация — то ли детская шалость, то ли искусный соблазн. Казалось, он заигрывает со всем миром сразу.

Гуань Юньцзи сжал кулаки от злости.

Сегодня он точно не уснёт.

<http://bllate.org/book/20609/2181924>